

Содержание цикла «Старый Свет»:

Книга 1. Поручик

Книга 2. Специальный корреспондент

Книга 3. Атташе

Книга 4. Флигель-Адъютант

Евгений Капба

Старый Свет
ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ
КНИГА 4

УДК 82-312.9
ББК 84.4
К20

Капба Е.

К20 Старый Свет. Книга 4. Флигель-Адъютант / Е. Капба, —
М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 328 с. —
(Старый Свет).

Возвращение на Родину состоялось, награды нашли героя, и свадьба вот-вот — но отчего так беспокойно на сердце? Может быть, дело в том самом юноше со взором светлым, который стал названным младшим братом? На его плечах — ответственность за судьбы миллионов людей, он — один из са-мых могущественных людей Старого Света, но это не отменяет одного простого факта: ему нет еще и двадцати, а в таком возрасте променять полцарства на прекрасную принцессу — это только вопрос времени. Но — Его Высочество регент не дремлет — один Иван-Царевич на поиски счастья никоим образом отправиться не может. У всякого Ивана-Царевича должен быть свой Серый Волк. Ну или волк, облаченный в старое пехотное хаки...

BIC FM
BISAC FIC009000

© Евгений Капба, текст, 2024
© ИДДК
© RUGRAM, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ISBN 978-5-521-91102-8

Часть первая

Глава 1

Ваше превосходительство

Памяти Александра Беляева

Просыпаться не хотелось, но настырный лучик летнего солнца, отражённый от окон соседней высотки, лез в глаза и настаивал, что с меня хватит утренней дремоты. Заслонившись от него рукой, осторожно потянулся всем телом и подивился ощущению необыкновенной бодрости. У меня ничего не болело, я чувствовал себя отдохнувшим впервые за сколько месяцев? Или лет?

И Лиза, Лизонька... Я вдохнул воздух, пахнущий её парфюмом, и снова зажмурился — вот оно, счастье! Мы только вчера обручились в маленькой церквушке на окраине и теперь официально были женихом и невестой. Вечером отправились праздновать в «Прокоп», а потом было арелатское игристое вино и вальс, и скрипки, и мы целовались в экипаже, и... И теперь она лежала рядом, пшеничного цвета локоны были разбросаны по подушке, руки свободно раскинулись в стороны, а одеяло, сбившись, открывало замечательный вид на её изящные ножки.

Я уже протянул руку, чтобы прикоснуться к их бархатной коже, но был самым бесцеремонным образом прерван. Из прихожей раздался решительный, даже агрессивный стук во входную дверь.

Тук! Тук! Тук! Так стучат те, кто абсолютно уверен, что время и внимание других людей полностью в их распоряжении. Претендовать на моё время и моё внимание

могло крайне ограниченное число личностей, и увидеть кого-то из них здесь и сейчас было бы настоящей фантастикой. Поэтому я спустил босые ноги на пол, нашарил на тумбочке револьвер и взвёл курок.

Теперь я не чувствовал себя голым, хотя из одежды на мне и были одни полукальсоны. С оружием в руках шагнул к двери, замер у косяка и спросил:

— Кто?

— Его императорского величества канцелярия! Откройте, именем императора!

С таким у нас не шутят даже самые отмороженные душегубы.

Такие визитёры, и я в полукальсонах? Отменно! Только к двери в спальню метнулся закрыть, там ведь Лиза. Двух фельдъегерей с полными руками каких-то вещей я так и встретил — почёсывая утреннюю щетину дулом револьвера и зябко переступая с ноги на ногу.

— Ваше превосходительство? — недоверчиво спросил один из них, совсем юноша, оглядывая мои стати и весьма скромный наряд.

— Какое ещё превосходительство, господа? — удивился я. — Может, квартирой ошиблись? Конфуз вышел?

— Да нет-с, всё чётко написано, вот. — Старший фельдъегерь протянул конверт, где я увидел адрес этой самой съёмной столичной квартиры, и что это именно мне лично в руки. — Это ведь вы-с?

Дождавшись кивка, служивые расслабились:

— Выходит, вы. Никакой ошибки-с. Вот, значит, распишитесь о получении. Парадный мундир-с — одна штука, коробка малоформатная — одна штука, конверт бумажный — две штуки. И приглашение во дворец, сегодня-с, к двенадцати ноль-ноль. Машина за вами заедет, ваше превосходительство.

Мне сунули в руки матерчатый чехол, внутри которого, видимо, находился мундир на вешалке, коробку, конверты

и приглашение, козырнули, и дверь захлопнулась. Ещё бы, фельдъегерская служба — она такая, вечно куда-то торопятся!

Паркет охлаждал босые ступни, поэтому я сгрузил посылки на диванчик и отправился искать тапки.

Лиза вышла из спальни, мило зевая и грациозно потягиваясь. Растрёпанные волосы, шёлковый невесомый пеньюар, который ничего-ничего не скрывал, и удивлённый взгляд этих невероятных васильковых глаз — у меня дыхание перехватило, если честно. А она привсталала на цыпочки, сделала несколько балетных движений для разминки, и только потом заметила меня, сидящего в кресле, всё ещё в одних полукальсонах, с револьвером в руке, но зато в тапках.

— Так! — сказала любимая и наморщила носик. — Я что-то пропустила?

Пришлось показать дулом револьвера на белоснежный лейб-гвардейский мундир с полковничьими эполетами, который висел на крючке у двери. На нём было тесно от наград, и если полный бант Серебряных крестов понять ещё можно, то остальной иконостас как-то смущал. Тут имелась медаль Дружбы — ею награждают дипломатов, и орден Миротворца — кажется, для экспедиционных корпусов и дальней разведки, и даже нательский Крест Конгрегации. И сопроводительные документы на каждую награду имелись в наличии — плотная пачка бумаг лежала в одном из конвертов.

— Ты выходишь замуж за лейб-гвардии полковника, — несколько растерянным голосом проговорил я.

Лиза широко открыла глаза и спросила:

— Это разве плохо?

— Просто ужасно, — ответил я и, как выяснилось позже, оказался совершенно прав.

Я успел умыться, побриться и выпить кофе с

вкуснейшими тостами, которые приготовила Лизавета. Ну, знаете, квадратики пшеничного хлеба, сердцевина вынута, на её месте яйцо, и всё это поджарено на деревенском сливочном масле. Настоящее блаженство.

— Мне пора в клинику, — сказала она, вытирая руки о полотенце и снимая передник. — Обещала подменить Веру Павловну после обеда. Если что. звони в ординаторскую, номер ты знаешь.

Голос у неё был тревожным. Всё-таки приглашения во дворец каждый день не приходят. И сюрпризы в виде полковничьих мундиров и десятка орденов — тоже.

— Я тебя заберу, — постарался сказать как можно более уверенно. — Поедем в синематограф, на Преторианский проспект, там сипангскую комедию показывают, Чарли Спенсер в главной роли. Маленький бродяга опять в деле!

Обняв её, я, кажется, через ткань платья чувствовал стройное тело, и мне вовсе не хотелось её отпускать.

— О-о-о-о, Спенсер! Обязательно пойдём! — закатила Лиза глаза и шутливо оттолкнула меня. — Всё, давай тебя одевать. Не терпится посмотреть на настоящего полковника!

И быстро поцеловала меня, едва дотронувшись губами до моих губ, а потом вывернулась и занялась мундиром.

Мне и тридцати-то нет, а тут полковник! Это сколько очередных или внеочередных званий накапало, пока я мотался по Южному континенту и Сипанге? И на всё есть патенты, за подписью императора. А ещё гербовая бумага об удовлетворении ходатайства о зачислении в лейб-гвардию. За меня ручались Артур Николаевич, князь Тревельян, некий Марк Вознесенский, лейб-акустик, и ещё с десятков фамилий, о которых я и понятия не имел. «Быть по сему» — виднелась крупная надпись каллиграфическим почерком императора поперёк листа.

— Аж страшно! — сказала Лизавета, отступив на шаг от меня, оглядела с ног до головы и прижала ладошки к щекам. —

Это как меня угораздило такого видного мужчину заполучить? Вот поедешь во дворец, найдёшь себе там фрейлину какую-нибудь, и что я буду делать?

— Ну какую фрейлину, Лизонька? — беспомощно развёл я руками.

Во всём этом белоснежно-золотом великолепии я чувствовал себя полным кретином. Ей-богу, даже смокинг и штиблеты надел бы с меньшими душевными терзаниями. Но стоило признать — сидел мундир великолепно! И ткань была приятная.

— Всё, ты должен пообещать, что в больницу за мной приедешь вот такой вот! — заявила она. — Мы должны выгулять обновку! А я с собой платье возьму, красное. И там переоденусь.

— Ну, раз красное... — Она в нём правда была очень хороша!

Не удержавшись, снова притянул Лизу к себе и поцеловал, а она и не думала отстраняться, обвив мою шею руками.

На улице загудел клаксон. С сожалением оторвавшись от девушки, отдёргнул шторм. Глянув в окно, я увидел чёрный автомобиль с императорскими вензелями на дверцах. Пристегнул портупею с шашкой и посмотрел на револьвер — брать или не брать? Лиза только головой покачала:

— Знаешь, кто самый любимый параноик на свете? Угадай с одного раза, — поцеловала меня в щёку. — Колочий! Почему меня не попросил помочь с бритьём?

— Если у вас паранойя, это не значит, что за вами не следят. Всё, госпожа Велевская, разрешите откланяться. — Я щёлкнул каблуками, церемонно склонил голову.

Она сделала книксен:

— Ваше превосходительство... — а потом спохватилась: — А почему превосходительство? Это же генералы превосходительство? Да и вообще, нынче же говорят

«господин полковник», а не «превосходительство», не старый же режим!

— Не знаю, может, у них там при дворе такое консервативное фронтёрство в моде? И в лейб-гвардии, кажется, чины считаются на ступеньку выше. То есть по пехотным меркам я получаюсь генерал-поручик.

— О Господи! — Лиза нервно хихикнула. — Опять поручик!

Я глянул на неё и хихикнул в ответ. Из поручиков в генерал-поручики. Паноптикум!

Дверь в машину предупредительно открыл седой усатый унтер-офицер в черной преторианской форме.

— А можно сесть вперёд, рядом с вами? — спросил я.

Он удивлённо посмотрел на мои погоны, а потом кивнул:

— Как вам угодно, ваше...

— Да бросьте. Я вот это всё сегодня в первый раз надел. Засыпал поручиком, проснулся полковником. Два года в империи не был.

— А-а-а-а! — облегчённо выдохнул он. — Так ты из тех, кто защищает рубежи родины на дальних подступах? Садись, братко! То-то я смотрю, ты такой загорелый, не по-нашему, не по-аркаимски. Острова пряностей? Ацтлан?

— Наталь! — откликнулся я.

Преторианец завёл машину и потихоньку вырулил на дорогу. Я успел посмотреть на окна доходного дома, где снимал квартиру: Лиза стояла там, смотрела вслед — провожала.

— Эх, а меня не пустили! А я дважды писал рапорт... — сетовал седой вояка. А потом вдруг запел: — Наталь, Наталь, страна моя, ты вся горишь в огне-е-е... Веришь, нет, я бы этих